

ЛИБЕРАЛИЗМ: ВЗГЛЯД ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

После многих лет, когда пропагандистская машина объясняла все неудачи наших реформ за счет либерализма и само это слово превратилось почти в ругательство, новый президент вдруг произнес: "Свобода – лучше, чем несвобода". Это высказывание можно было бы оценить как некий знак, однако в обществе отношение к либерализму, по сути, не меняется: по-прежнему это идейное течение остается крайне непопулярным, причем и в тех кругах, которым оно, казалось бы, должно было бы быть особенно близким – среди творческой интеллигенции. Поэтому редакции показалось целесообразным обсудить, почему так происходит, с известными представителями творческих профессий, придерживающихся разных взглядов на место либерализма в судьбах России.

Л.А. АННИНСКИЙ

Суп из перочинного ножика

Либерализм! Хоть слово пусто,
Но мне ласкает слух оно.
Вариация на блоковскую тему

Да простят мне нынешние скифы самоуправство с общеизвестной цитатой из великого поэта. За такие фокусы сидеть мне в списке критиков-постмодернистов, которые подменяют протуберанцами собственного "эго" нудный мониторинг литературного процесса, и с хрустом, не отходя от кассы, упиваются подобными эффектами вместо того, чтобы перелопачивать первозданный хаос, ежедневно перемалывая и подвергая анализу словесную реальность.

Может, все-таки о реальность ушибусь на этот раз.

Реальность – изящный томик под названием "Либерализм: взгляд из литературы" (М., 2004), изданный Фондом "Либеральная миссия" по итогам дискуссии и давший трибуну полусотне ярких авторов, из которых упомяну сразу тех, кто перечислены на обложке (Н. Иванова, А. Немзер, И. Захаров, Б. Дубин, Д. Бак, Л. Гудков, Л. Рубинштейн и др.), добавив к "и др." Р. Арбитмана (из коего я ради стилистического "запаха" процитировал рассуждение о протуберанцах и мониторинге). Чувствуя, что выпал из когорты либералов (а по мониторингу новейших экспертов и из литературной критики вообще), я воспользуюсь положением стороннего наблюдателя ("вне ящика", как сказал бы Н. Добролюбов) и прибегну к жанру, наиболее естественному для такого положения, – к заметкам на полях. Тем более, что поля тучные. А что на них произрастает – попробуем.

"Маленькое поле свободомыслия"

Н. Иванова (главный докладчик по главной теме) ищет союзников в толще прошлой русской литературы (и истории, соответственно): «Если сравнить русские корни либерализма (Новиков, Радищев, Герцен) с антилиберальными традициями, то станет очевидным: либеральное течение в истории России "подсоединялось" к революционной мысли. А гротескное изображение российских либералов, карикатура на либералов (и на их образ жизни, как бы оторванный от реальной российской действительности) присутствовали (в разной степени, но...) в антилиберальной литературе: в прозе Достоевского и Льва Толстого, Тургенева и Салтыкова-Щедрина, Чехова и Горького...» (с. 10).

При всем уважении к Н. Новикову и А. Радищеву (и при любви к А. Герцену) не могу удержаться от вопроса: не чувствует ли Наталья Борисовна, что крупнейшие русские классики (ею перечисленные) фатальным образом от либерализма себя отделяют? Может, советская власть пресекала это безобразие? Увы.

«Традиция гротескного изображения советско-русского либерала была поддержана Владимиром Маканиным (повесть "Один и одна"), Олегом Чухонцевым (поэма "Однофамилец"), Виктором Астафьевым ("Царь-рыба", "Печальный детектив"). Можно ли заключить, что сами писатели парадоксальным образом послужили злорадному вытптыванию маленького поля свободомыслия с его либеральными ростками, дали в руки своим оппонентам аргументы против, привычнее (опять же парадоксальным образом) ощущая себя в выжженном пространстве несвободы?» (с. 10).

А знаете, можно это заключить. Причем без сваливания грехов на писателей, которые "послужили" или не "послужили". Разумеется, всякий конкретный конфуз можно объяснить обстоятельствами времени и места. Например, фразочку А. Блока: "Я поэт, следовательно, не либерал". Или грезы Ф. Достоевского о проливах. Или раздражение Л. Толстого, разглядевшего у И. Тургенева "либеральные ляжки". Вообще-то – "демократические", но авторы книги "Либерализм..." самоотверженно перетаскивают это недоразумение на свой баланс. И правильно делают: чем крупнее и независимее художник, тем очевиднее его неприязнь к либерализму.

Вы скажете: это неприязнь к системе фраз. Именно! Хотя без либерализма ни одна система фраз вообще не осуществится. Это что, случайно? Или есть что-то в этом недоразумении сущностное?

Да, недоразумение сущностное. Борясь за либеральное вольномыслие, дыша воздухом либеральной свободы слова, будучи либералами по своему исходному психологическому состоянию (то есть людьми, желающими говорить вслух о том, что думают), авторы книги "Либерализм..." усердно ищут либеральную идею, либеральные ценности, либеральную реальность, да все никак не найдут. Невод его!

А может, либерализм этот самый – пуст по определению? Может, его и нет?

Отнюдь! Мы же дыханием ощущаем, что он есть. Потому и дышим, что не замечаем. Воздух насыщен, а в рот не положишь. Во рту – слово. Истые филологи, авторы "Либерализма..." в слово и вгрызаются.

Раздвоенное жало свободы

Д. Драгунский один только и исхитряется на нетривиальность: отыскивает в латыни, что "либер" – дитя. Подключает Достоевского – то место из письма Александру II, что русская свобода – свобода детей вокруг отца. И оставляет нам послевкусие: есть, мол, в либеральном образе мыслей что-то детское.

Все остальные удерживаются при той неоспоримости, что либерализм – от "свободы": *liberty*. Или *liberte* – с выносом на *liberalite* (щедрость). Все прочее – от лукавого. А лукавый-то к слову *liberte* как раз и добавит *libertine* (распутник). Но не будем изощряться: либерализм – от слова "свобода". И точка.

Впрочем, двоеточие. Свобода как объект рефлексии раздваивается. Во всяком случае – если говорить о русском сознании. Я имею в виду не только общеизвестную "змеиную" мысль, что европейское понятие свободы (моя свобода ограничена свобо-

дой других) подменена в России понятием воли (воля безгранична, с ней может справиться только безграничная же воля диктатора). Это двоение иногда демонстрируется появлением в либеральных рядах своего рода радикалов от либерализма, которые приводят прочих либералов в замешательство (прикрытое в выступлениях участников книги или философской невозмутимостью, или литературной веселостью).

Есть другое расщепление свободы, глубоко и точно осмысленное в трудах русских идеалистов: "свобода от..." и "свобода для..." Удивительно, но это двоение термина совершенно не чувствуется в рефлексии авторов книги, хотя и выявляется через эмоции. Даже такой знаток русской идеалистической философии, как А. Латынина, проходит мимо этого "расщепления" свободы. Впрочем, школа сказывается, и среди либеральных идеологов, мучительно ищущих "либеральную идею", суждения Латыниной на этот счет выделяются трезвящей осведомленностью: «Либерализм не может быть идеологией... Ценности свободы в широких массах совсем не котируются и без справедливости она мало кому нужна. А справедливости либерализм не обещал. Ответственность за все негативные последствия реформ свалили на либералов, либерализм стал проигрывать по всем направлениям, потому что активно обороняться, не перестав быть либерализмом, он не может... Есть остроумное рассуждение Василия Розанова о том, что в либерализме существуют некоторые удобства, без которых "третье плечо". В либеральной школе лучше учат, либерал лучше издаст "Войну и мир", но либерал никогда не напишет "Войны и мира". Либерал – он "к услугам", но он – не душа. А душа – это энтузиазм, вера, безумие, огонь, заключает Розанов» (с. 41–42).

Подхватывая розановскую мысль, Латынина интересуется: а что именно собираются сжечь энтузиасты свободы, затесавшиеся в стан либералов, и до какого безумия эти энтузиасты способны довести их веру? Я же, подхватывая мысль Латыниной, напомним азы: либерализм – это не существо идей, а лишь возможность обсуждения и обдумывания идей. Это правила игры, это стиль и тон полемики, это умение уважительно слушать другого. То есть, по латыни: *conditio, sine qua non* – неперемное условие, без которого мысль костенеет, деревенеет, становится чугунной, мраморной, но – не живой.

– Я не разделяю ваших убеждений, но готов бороться за то, чтобы вы имели возможность их высказывать...

Все! Этим либеральное кредо исчерпывается. Когда рот заткнут, жажда свободы представляется абсолютной, но, разомкнув уста, надо решать проблемы совершенно другого уровня. Надо соображать, каково практическое соотношение вековых традиций и новейших идей. Надо соображать, как организовать системы власти и что предпочтительнее: демократия или монархия, аристократия или олигархия, охлократия или партдиктатура. Надо соображать, где границы рынка. Но эти вопросы решаются вне поля либеральных идей, потому что либералы предъявляют не идеи, а лишь мандат на их обсуждение. Вопросы рынка, столь модные ныне, решаются во взаимодействии сторонников фритредерства и протекционизма – в сфере ножа и вилки, но не в сфере громкоговорителя: "Дайте же и мне высказаться!" А права человека, упирающиеся в национальную безопасность? А геополитическая ситуация, определяющая сегодня грань между этими правами и безопасностью тех, кто на эти права претендует? Обсуждая подобные проблемы, либералы делают это уже не как либералы, а как бойцы совсем других фронтов. Хотя либералами при этом не перестают быть ни на секунду.

Почему?

Потому что в любую секунду на роток может быть снова накинута платок, в красноречивые уста забит кляп, на мысль наложен очередной мораторий. Вовсе не только "сверху"! "Снизу" тоже – от страха масс, качающихся меж разнонаправленными идеями.

В ответ на гнет либеральность становится самоцелью. До тех пор, пока уста вновь не разверзнутся, и "свобода от..." (от мерзости гнета) не повернется вопросом: "свобода для..." (для чего? Что вы хотите поджечь, господа?)

Эвтаназия и анестезия

С потрясающей экспрессией эту служебно-процедурную роль либерализма описывает С. Гандлевский: "Либерализм – великий опреснитель. На такие малости, как религия, искусство, смерть, тщета людского существования, у либерализма как бы не хватает воображения – он слишком положителен и недалек.

Умеренный и аккуратный либерализм с переменным успехом пытается обуздать страстную и неразумную человеческую природу. Чья возьмет? Лучше бы ничья не брала. Окончательная победа либерализма как общественного устройства, но в первую очередь в головах, будет означать абсолютное торжество выхолощенного самоцельного распорядка, процедуры над сутью и смыслом происходящего – что-то вроде тепловой смерти, тихой эвтаназии...

Когда... провозглашалось, что советские люди – новая историческая общность, это было сущей правдой. Но и либерализм оболванивает человека ничуть не меньше, только не из-под палки, а по-хорошему. (Что, замечу в скобках, уже немало: все-таки анестезия)" (с. 154).

У меня два вопроса по поводу столь убийственной филиппики. Почему либерализм, столь благородный и возвышенный по окрасу, кажется до отвращения пресным, прохладно-теплым ("изблюю его из уст моих!"). Почему ситуация с ним столь крута, что если не удастся излечить, то нужна анестезия?

Потому что тошнотворным он кажется с тех полей, на которые не смеет ступить. А испепелить его хочется, когда он со своим прохладно-теплым градусником на эти раскаленные поля лезет.

И при этом хочет остаться либеральным! Хотя, по мнению Гандлевского, "не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха" (с. 153).

Либерализм на вкус, на цвет, на слух и на запах

Я хочу продолжить филологические изыскания, но не раскапывая корни, а ища семантические связи. Вот синонимы: демократия, политкорректность, толерантность. Кинем блесну с того берега: получим терпимость, воспитанность, а по существу – кучу -кратий и -архий... но не либерализм.

А антонимы у него какие? Мракобесие, отсталость, цинизм. А если построже, то: реакционность, деспотизм, тоталитаризм, консерватизм... Пробуем обратный ход: от мракобесия – к просвещенности, от отсталости – к прогрессивности, от цинизма – к мечтательности, романтичности, идеальности... То есть, обратные лучи рассеиваются в семантическом пространстве, никак не желая скрещиваться на либерализме.

Правильно заметил А. Вишневский: "Глубокая мысль... это такая мысль, противоположная которой – тоже глубокая" (с. 132). Но если противоположная разбегается по разным поверхностям... Впрочем, нет. Имеется антоним либерализма, внятно и соразмерно ему противостоящий: это – антилиберализм...

Решили задачку! Змея кусает свой хвост! Либерализм смотрится в кривое зеркало, чтобы хоть как-то ощутить себя самим собой. В сущности, это и Иванова признает: "Антилиберальный проект, в отличие от размытого, до конца не отрефлектированного либерализма, существует в формах массовой культуры и пользуется массовым спросом" (с. 35).

В этом справедливом утверждении мне хочется откомментировать одно слово – "проект". Поскольку ни идеи, ни идеологии, ни системы фундаментальных ценностей в либерализме ухватить не удастся, чуткие литераторы начинают сдвигать туда-сюда слово. "Лучше говорить о дискурсе" (Латынина, с. 65). Давайте говорить о формате: "формат – это, коротко говоря, поэтика текста, определяемая его прагматикой" (Г. Морев, с. 73). Ах, значит, "дело в... техниках работы на публику! (догадывается Б. Дубин). Пиар, промоушн, брендинг..." (с. 70).

Чемпионом все-таки остается "проект". Акунинские книги – проект. Но это не литература! А мы и не говорим, что литература. Мы говорим: *проект*. Что ж, в этом есть фатальная логика. "Что-то слышится родное" (дразнит собеседников А. Мелихов). Либерал "воспринимается как космополит, эгоист, гедонист и попуститель". А консерватор? "Этатист, ура-патриот и неосоветский реваншист". А может, это просто шпана? Обычная уличная шпана? Именно! – подхватывает Мелихов: "...благодушной картины мира и не может простить либералу человек озлобленный" (с. 185). М. Липовецкий отвечает с запредельной невозмутимостью: "Это не что иное, как описанная Лотманом и Успенским бинарная логика русской культурной динамики" (с. 181). – Маятник!! – А вы что, хотите жить, как в Европе? – Сейчас М. Ремизова ему врежет: "А плевок в лицо коллективному избирателю прямо с телеэкрана не хотите?" (с. 194).

Драматургически все получается очень выразительно. Страсти кипят, предмет все время ускользает, спорящие жалуются на сложность терминологии, делают "в отсутствие идей и слов демонстративные жесты", а некоторые даже "не понимают, зачем эта встреча" (издатель И. Захаров, человек деловой и трепа не выносящий, прямо спрашивает: "...а вы проживете на деньги покупателей вашей продукции?") (с. 82).

Вроде бы говорить не о чем, но "*чарующий потенциал слова*" так завораживает, слово "либерализм" так ласкает слух, что потерять его никак нельзя. И грузят его, это ускользающее слово, заваливая реальными эмоциями, доводами... жестами!

Получается великолепный суп из топора... Ну, поскольку варят его либералы, то это отнюдь не тот топор, которым можно зарубить старуху-процентщицу... скорее уж это ножик для очинки перьев... Хотел было сказать: нож для разрезания книжных страниц, да вовремя осекся, вспомнив, какую роль сыграли такие ножи 11 сентября 2001 г. в небе над Нью-Йорком.

А теперь, оставляя базисные ценности в стороне (то есть в кастрюле), выловлю те приправы, которые в данном случае и определяют для меня весь вкус.

Дубин и Дугин

Поскольку последний обещанный нам плевок должен прилететь с телеэкрана, подхватываю тему.

Слово – эксперту: "Что сейчас говорят московские суперкрупные издатели? Что до города с полумиллионным населением они еще будут из Москвы дотягиваться, а ходить – нет, не будут, это слишком дорого и накладно... В двадцати крупных городах, в Москве, в Питере на наших глазах возникают новые аудитории... Но их надо отслеживать, надо наладить какие-то каналы регулярного взаимодействия с ними... Дальше, за рамками этих групп, – разрыв, провал, ничейная земля. А еще дальше – так называемое общество зрителей. Это люди, которые четыре-пять часов в день смотрят первые два телевизионных канала. Ни у одного книгоиздателя сегодня нет такой возможности дотянуться практически до каждой семьи" (Дубин, с. 92).

Дополняю сюжет. По моей книге "Красный век" снято два телецикла: очерки о крупных поэтах. Циклы прошли и получили все причитающееся. После чего телевизионщики стали выдергивать из них те очерки, которые им нужны, и пускать в эфир вразбивку. Наступает, например, юбилей М. Светлова – пускают Светлова. Мне не говорят, да я и не против: пусть смотрят.

О том, что моя физиономия опять помячила на экране, я узнаю по тому, что в метро мне начинают улыбаться, а то и подмигивать незнакомые люди. Это должно льстить самолюбию. Но меня убивает мысль, что из этих узнающих меня и улыбающихся мне людей вряд ли кто-нибудь читал хоть одну мою строчку. И вряд ли прочтет.

Что делать в "обществе зрителей" человеку, который пишет и хочет, чтобы его прочли? Раньше хоть эзоповым языком надеялся их развлечь, да и сам развлекался. А сегодня?

«Сегодня либеральная мысль в литературе существует в свободных условиях. Ей не нужен эзопов язык, ей не приходится преодолевать государственные границы для того, чтобы дойти до печатного станка (тем более до Интернета)...

На рубеже 1990-х легальная литература, литература "ворованного воздуха", смогла перейти с эзопова языка на прямую речь. Кстати, это расставание с эзоповым языком породило свои проблемы, но об этом отдельный разговор» (Иванова, с. 9).

Подхватывая и этот отдельный разговор, сознаюсь, что с объявлением свободы слова и прямой речи я от эзопова языка отнюдь не отказался. Какая-то странная интуиция продолжает действовать. Раньше я делал вид, что обманываю цензоров (а они делали вид, что вылавливают у меня крамолу). Теперь я делаю вид, что обманываю себя самого (и каждого встречного, то есть читателя). Потому что крамола свернулась на дне души каждого и ждет часа.

Человек духом слаб, он правду о себе не выдержит. Он подозревает, что дышит ворованным воздухом, но не хочет этого "знать". Это все то же: дыхание замечаешь, только когда тебя душат. Тогда становишься либералом: "Дайте дышать!" А если дышишь – то укладкой.

М. Золотоносов сказал о В. Лакшине и обо всех "шестидесятниках": привыкли, мол, дышать ворованным воздухом. Ну, конечно. Воровали воздух у партократов. У тех же партократов я его и теперь ворую, только партии переименовались, заделались партократы демократами, держателями истины: монархической, либеральной, православной – кто какой. И гордятся стилистикой прямой речи.

У меня с Лакшиным было (как сказал бы мой учитель А. Синявский) расхождение стилистическое. Лакшин тоже думал, что режет правду-матку. Так и интонировал: я правду скажу! Я же прошу: дайте соврать! Вралем прикидываясь, можно ведь страшную правду высказать. А если кричать, что это правда, – так слушать не станут. "Откуда ты правду-то знаешь?" – Нет, я вру. Не люблю, не слушай, а врать не мешай. "Ну, черт с тобой, ври больше". И не мешают. Тоже, между прочим, эзоповщина.

А кто верит, что режет правду-матку, – блажен... У либералов, кстати, вера в собственную непрерываемость в советские времена была не меньше, чем у ортодоксов (партократов, патриотов и т.д.). Такие ж-ж-жандармы...

Иванова: «В конце 1980-х–начале 1990-х и Алла Николаевна, и другие критики употребляли в своих статьях выражение "либеральный террор" – это террор либералов, которые преследуют тех, кто не исповедует систему либеральных ценностей» (с. 44).

Латынина: «Я действительно использовала выражение "либеральный террор", утверждая, что его как такового нет... Это оксюморон...» (с. 54–55).

Террора, может, и нет, но мысль о нем есть. Свернулась на дне души. Я тоже использовал это выражение и не как оксюморон, а как отражение реальности, когда писал о событиях 1860-х гг.: в ту пору радикалы от либерализма объявили бойкот Н. Лескову за антинигилистические идеи. Мой любимый Д. Писарев отлучил его от литературы! Руки велел не подавать! Вот когда некрасовский "Современник" и писаревское "Русское слово" повели себя как жандармы духа. И меж собой грызлись на смерть, без всякого оксюморона. Я эти баталии описывал осторожно, не хотел жестких аналогий, боялся задеть новомировцев... хотя аналогии напрашивались. Отлучали от печатного станка друг друга правдолюбцы 1960-х! Про авторов "Октября" новомировцы писали в тонах скорби: поторопился-де такой-то обнародовать свой опус... Это ехидство было ответом на тупую брань ортодоксов, требовавших, чтобы новомировцев лишили слова (то есть журнала).

Это – в эпоху, когда давало слово и лишало слова – начальство. Теперь, в эпоху "прямой речи", формулировки другие. Купят или не купят? Можно заработать на этой книге или нельзя? Отнять торговые точки у книжных монстров!

Ну, это хоть внятно. А то вы все про идеи. Внятность нужна! А. Дмитриев: "Размежевание должно быть внятными... Условно говоря, Дугин и Дубин ни при каких обстоятельствах не должны оказываться под одной обложкой, на одних газетных полосах..." (с. 59). Да они и сами не сядут на одной делянке, без ваших сепараций и сегрегаций!

Впрочем, сядут! Россия – страна непредсказуемая. Кто бы в марксистскую эпоху мог вообразить, что от брака большевиков и националистов родятся "нацболы"? Что

либералов и демократов засадят рядом в одну партию, где не будет ни либерализма, ни демократичности...

Поэтому не очень верится в крутость этих непримиримых. А вдруг эта крутость – от страха, что русские люди, по патентованной всеотзывчивости своей – опять чохом поперебратаются, все перепутают, со всем миром обнимутся и всем миром что-нибудь мировое учинят.

Так что в жесте, чтоб не сажались рядом, мало уверенности, а больше эстетики: больно уж хорошо сидят рядышком, так славно перекликаются: Дубин и Дугин...

В клетке

Такое же эстетическое удовольствие получаешь от либеральных шарад и метафор. Например: что означают в названии ЛДПР буквы "л" и "д"? Ответ: ищите букву "ж"... Блеск!

А И. Хакамада – как Багира в стае глупых волков!

Кошачья ассоциация побуждает меня к сугубо личному комментарию (и это будет последнее замечание, на которое я решаюсь). Дело в том, что в книге "Либерализм: взгляд из литературы" есть рассуждение на мой счет. Говоря о том, что либералы и ортодоксы советского времени "бдительно следили за чистотой своих рядов", Иванова находит исключение, которое подтверждает правило:

«На моей памяти действия такого рода характерны были только для одного критика, которому они присущи и сегодня. Речь идет о Льве Аннинском. Найти критика, который бы одновременно печатался, скажем, в "Новом мире" Твардовского и в "Октябре" Кочетова без урона для собственной репутации, более чем затруднительно. Аннинский продолжает это делать: он печатается и в "Дне литературы", и в "Литературной газете", и во многих других разнополюсных средствах массовой информации. У него своя собственная позиция. И когда спросили у него о причине этого, он ответил примерно так же, как ответила Мария Васильевна Розанова (а она тогда, к моему изумлению, впервые напечаталась в газете "Завтра", а потом в газете "День литературы"). Мария Васильевна сказала: "Я христианка, а христиане – это те, кто входят в клетку со львами. А те, кто не входят, тусовщики" (с. 67–68).

Оставляю в стороне вопрос о репутации. Без ущерба, наверное, не получалось, но если репутация сводилась к тому, в какой состоишь команде ("на чью мельницу льешь воду"), то я от такого ущерба не страдал, тем более, что предпочитал мельницы Дон-Кихота. А ерничал – потому что сражаться с мельницами не давали. То есть трибуны не было. "Вали отсюда, ты не наш".

Теперь-то ситуация другая, высказаться могу в любой момент, веду постоянные рубрики в журналах "Родина" и "Дружба народов", где читатель, которому я нужен, найдет меня, когда захочет, так что ходить по другим редакциям нет нужды. Но в эпоху, когда было два монастыря: "Октябрь" и "Новый мир", с соответствующей чистотой рядов, – меня эта чистота иногда доводила до ступора, и я от столь малопочтенного чувства объявлял: раз меня ни туда, ни туда не подпускают, – назло пролезу и туда, и туда. Один раз это удалось – в 1962 г.; еще раз, уже из чистого озорства я повторил это в 1990-е гг., напечатав статьи в газетах "Сегодня" и "Завтра", – чего не сделаешь в карнавальной ситуации!

Почему карнавальной? Есть что-то от театра масок в нынешней разборке либералов и антилибералов. Да и в жесте Марии Васильевны Розановой – тоже. Я бы никогда не употребил слово "христианин" для рекламы собственной храбрости. И зверинца не вижу. Входя в "клетки", нахожу не тигров, пантер и волков, вижу людей. Хотя люди и думают о себе, что они крутые тигры, хитрые пантеры и глупые волки.

Сварить бы их всех в одном котле. То-то была бы соборность!